

Свет всё ещё не вернулся, перед его глазами была лишь тьма, и он чувствовал только пронзительный взгляд, направленный на его лицо.

Если бы он мог видеть, он бы заметил, что тело «рабыни-художницы» стало выше, её тонкая талия приобрела крепость взрослого мужчины, а лицо стало более мужественным, с чёткими чертами. Хотя в нём ещё оставалась некоторая мягкость, с первого взгляда было件нятно, что это красивый мужчина.

Его черты, теперь без прикрас, напоминали Бай Хэна из Восточного дворца на пять-шесть частей.

Увидев пустые глаза Цзин Сы, Бай Хэн понял, что тот всё ещё не видит. Это вызвало у него странное чувство разочарования, ведь он был готов раскрыть свою личность.

— Что я хочу сделать, ты скоро узнаешь, — Бай Хэн наклонился, собираясь продолжить прерванный поцелуй, как вдруг услышал, как Цзин Сы резко сказал. — Почему вы молчите?

После этих слов оба замерли.

Как только слова были произнесены, Цзин Сы понял, что сказал лишнее, и теперь «рабыня-художница» знала, что он всё ещё не восстановил слух.

— Ты...

Не успев закончить, Цзин Сы был грубо поцелован, и из его рта вырвались лишь смутные звуки.

Цзин Сы чувствовал, как воздух уходит, и ему становится трудно дышать.

Такие интенсивные прикосновения быстро покрыли его тело тонким слоем пота, а его слепые глаза стали ещё более туманными.

В этот момент раздался стук в дверь, и женский голос, сдерживающий гнев, произнёс:

— Хулюй Чэн здесь, уходите!

Бай Хэн сделал вид, что не слышит, и даже укусил его.

— Ах! — Цзин Сы вскрикнул от боли.

Человек за дверью услышал это и начал яростно стучать:

— Бай Хэн, что вы делаете с Его Высочеством?!

Бай Хэн наконец остановился, нежно вытер каплю крови и накрыл Цзин Сы одеялом.

Он встал, отошёл от Цзин Сы и, услышав усиливающийся стук, холодно усмехнулся и открыл дверь.

Женщина в жёлтом ворвалась внутрь, полная гнева, и спросила Бай Хэна:

— Что вы только что делали?

Бай Хэн холодно посмотрел на неё, и даже без слов его взгляд был полон власти:

— Цин У, это не ваше дело.

Женщина замолчала, вынужденная стиснуть зубы и опустить голову:

— Господин, Хулюй Чэн уже внизу, вам нужно уходить.

Первое, что услышал Цзин Сы, восстановив слух, был громкий звук: дверь распахнули с ноги.

Думая, что это «рабыня-художница» вошла, Цзин Сы сжал угол одеяла, чувствуя себя растерянным.

Его тело всё ещё было слабым, руки и ноги не слушались, а его проклятая чувствительная кожа только усиливала панику.

Большие участки его кожи терлись о шёлковое одеяло, и даже такое лёгкое прикосновение вызывало покраснение и дрожь.

Хотя он не знал, почему «рабыня-художница» внезапно остановилась, если бы она захотела продолжить, он всё равно не смог бы сопротивляться.

Он прикусил губу, и впервые в его сердце зародилось чувство унижения — как они посмели так нагло вести себя!

Звук обнажённого меча раздался у его уха, и Цзин Сы усмехнулся:

— Вы хотите убить меня?

— Ваше Высочество? — В ответ прозвучал не тонкий, приглушённый голос «рабыни-художницы», а глубокий, мужественный голос, полный волнения. — Это действительно вы?

Цзин Сы замолчал на мгновение, прежде чем неуверенно спросить:

— Хулюй Чэн?

Хулюй Чэн кивнул, и Цзин Сы не видел, как он отодвинул свисающие занавески и смотрел на него сверху вниз, с невыразимым выражением на лице.

Он вспомнил, как в детстве впервые пробрался в Восточный дворец. Тогда он хотел обвинить Цзин Сы, но, увидев его мирно спящим под одеялом, все его обиды чудесным образом исчезли.

В тот момент он подумал, что его маленький спаситель был таким красивым. А теперь, его изящные черты стали более мужественными, но в уголках глаз всё ещё оставалась некая изысканность.

Неосознанно Хулюй Чэн протянул руку и, не касаясь, провёл над пустыми глазами Цзин Сы:

— Ваше Высочество, что случилось с вашими глазами?

Цзин Сы почувствовал, как что-то коснулось его ресниц, а тепло от ладони согрело его глазные яблоки. Он невольно моргнул:

— Временно не вижу.

Он хорошо разбирался в медицине, и хотя этот яд был для него новым, он понимал, что это не

постоянное отравление.

Рука Хулюй Чэна уже спустилась с густых ресниц, прошла по розовым щекам и остановилась над алыми губами, словно ещё один шаг — и он мог бы проникнуть в тёплую ротовую полость, чтобы поиграть с нежным языком.

Его зелёные глаза, обычно ясные, теперь были наполнены чем-то тёмным и скрытым.

Цзин Сы, не услышав ответа, слегка наклонил голову, и его губы коснулись горячего пальца. Это прикосновение, более сильное, чем шёлковое одеяло, заставило его тихо застонать.

Рука Хулюй Чэна дрогнула. Он убрал её и потер пальцы, словно вспоминая ощущение, его голос стал неустойчивым:

— С вашим телом что-то не так.

Цзин Сы не стал думать о том, почему рука Хулюй Чэна оказалась рядом с его губами. Волна безумного удовольствия уже захлёстывала его.

Он использовал всю свою силу воли, чтобы сдержать стон, но его дыхание стало учащённым:

— Не прикасайтесь ко мне...

Его щёки покраснели, как персики. Глаза Хулюй Чэна потемнели:

— Если Ваше Высочество чувствует себя плохо, я могу помочь.

— Нет, — Цзин Сы зарылся в одеяло, его тело покрылось горячим потом, а одно неприличное место уже не могло терпеть. — Уходите!

— Ваше Высочество... — Хулюй Чэн хотел продолжить, но Цзин Сы, стиснув зубы, снова приказал. — Уходите!

— Я удаляюсь.

Цзин Сы услышал, как дверь закрылась, и струна стыда в его сердце наконец ослабла. Его силы уже почти вернулись, и он потянулся, чтобы сбросить мокрое одеяло. Жар на его теле начал спадать.

Он опёрся на изголовье, немного отдышался, а затем дрожащей рукой потянулся вниз.

Хулюй Чэн стоял за дверью. Как человек, занимающийся боевыми искусствами, его слух был намного острее, чем у обычных людей, и тонкая дверь не могла скрыть звуки из комнаты.

Долгие, мучительные вздохи, лёгкие стоны с носовым оттенком... всё это доносилось до его ушей.

— Сы...

Он мысленно произнёс это имя, наконец осознав, что высокомерный наследный принц, возможно, не так уж и недостижим.

Цзин Сы редко занимался подобным, и вскоре всё закончилось.

Он немного отдышался, накрылся одеялом и позвал Хулюй Чэна:

— Когда вы пришли, видели ли вы женщину в белом?

Хулюй Чэн, глядя на его ещё более прекрасное лицо, был немного рассеян, но всё же смог услышать вопрос Цзин Сы:

— Нет.

Услышав ответ, Цзин Сы не удивился, предположив, что «рабыня-художница», услышав о приближении Хулюй Чэна, сбежала.

— Ваше Высочество, вернётесь ли вы сегодня во дворец? — Услышав звуки из комнаты, Хулюй Чэн, конечно, догадался, что с ним произошло, и понимал, что Цзин Сы не захочет оставаться здесь.

— Нет, вернёмся утром. — К удивлению Хулюй Чэна, Цзин Сы отказался от его предложения.
— Оставайтесь рядом со мной и не уходите!

Хулюй Чэн на мгновение удивился, а затем улыбнулся:

— Я останусь здесь, ни на шаг не отойду, Ваше Высочество можете быть спокойны.

Не заметив серьёзности в его тоне, Цзин Сы равнодушно кивнул.

Он не хотел уходить, потому что понял, что после того, как всё закончилось, его тело стало ещё более чувствительным. Если бы он сейчас сделал резкое движение, то опозорился бы перед Хулюй Чэном.

Оставить Хулюй Чэна в комнате было для Цзин Сы вынужденной мерой. Хулюй Чэн был его единственной опорой, и если бы он ушёл, «рабыня-художница» могла бы вернуться.

Услышав согласие Хулюй Чэна, Цзин Сы немного успокоился, закутался в одеяло и старался игнорировать раздражающие ощущения.

Чем больше он терпел, тем сильнее они становились. Цзин Сы почти прикусил губу.

— Хулюй Чэн! — В отчаянии он обратился к единственному, кому мог довериться. — Расскажите мне о себе.

<http://bllate.org/book/16771/1563825>